

Как встарь сияют КУПОЛА...

Мало кому сегодня известно, что трагические события, произошедшие почти 250 лет тому назад в Белгороде, наложили свой отпечаток на облик всех губернских центров империи. А начиналось все обыкновенно...

Конец XVII века. Город-крепость Белгород состоит из двух острогов (внутренних городских укреплений, обнесенных оградой из заостренного сверху тына) - деревянного и земляного. Деревянный острог состоит из стен с десятью башнями и обламами (бруствер на стене, который служил для защиты стрелка). В нем находятся дворы администрации, церковных и светских чиновников, соборная церковь и казенный погреб. В большом земляном остроге, находящемся между реками Везелка и Северский Донец, - четыре глухие башни, двое ворот и множество построек, а также Николаевский мужской монастырь, Рождество-Богородицкий девичий монастырь и девять церквей.

Церкви... Именно их обилие отмечали все, кто проезжал через Белгород того времени. Ни нерегулярная застройка, ни жалкая растительность, ни обилие маленьких деревянных домиков, крытых соломой, не могли испортить впечатление от их величественности. «Белея, стоят они повсюду, сверкая золотыми куполами среди широких просторов, величественные и захватывающие благодаря ослепляющему отблеску», - так замечательно сказал о них один из путешественников...

Шло время. В начале XVIII века Белгород стал губернским центром. Сведений о внутреннем состоянии города того времени сохранилось немного. Они отрывочны и в целом свидетельствуют о том, что как город по преимуществу военный и центр администрации Белгород ничем не отличался от остальных губернских городов Российской империи.

Ранняя теплая весна 1766 г. высушила лужи на дорогах. Деревья тихо шелестели изумрудной листвой, весело щебетали птицы, совсем по-летнему грело солнце, цвели цветы. На должности губернатора находился один из крупнейших землевладельцев Белгородчины - бригадир, генерал-поручик Василий Васильевич Нарышкин.

По-деревенски неспешное течение жизни, казалось, будет длиться вечно. Ничто не предвещало беды. Но случилось неожиданное...

Утром 10 апреля резкие порывы ветра донесли до здания городской администрации запах гари. Выглянув в окна и увидав сизые клубы дыма с ярко-красными отсветами пламени, люди выбегали из домов, спеша к месту пожара. Звенели колокола, на улицах суетились испуганные жители. Каждый стремился оказать посильную помощь: кто заливал огонь водой, а кто, бойко орудуя лопатой, пытался засыпать пламя песком. Ничто не помогало! Теснота нерегулярной застройки, преимущественно деревянные дома, крытые соло-

мой, жара и шквальный ветер - все способствовало тому, что искры с еще не потушенных пожаров легко переносились на соседние здания, а часто и через «многие улицы». Люди не успевали за огнем. Только удавалось слегка сбить пламя в одном месте, как оказывалось, что за это время возникло еще несколько новых его очагов. Потому обычных для такого зрелища зевак на этот раз не было. Все от мала до велика, невзирая на чины и звания, бок о бок сражались с разыгравшейся стихией.

Ожесточенная борьба с огнем велась и в некотором отдалении от места основного пожара, там, где находился склад артиллерии Первого фузелярного полка, расквартированного в городе. На том складе сохранились порох и другие артиллерийские боеприпасы, а потому возгорание его было бы особенно опасно. Дважды занималась складская крыша. Дважды, в любую секунду ожидая взрыва, рискуя жизнью, люди делали все возможное и невозможное, чтобы потушить пламя. Оба раза, к счастью, огонь удавалось сбить.

Горели церкви, купеческие лавки, караульни и дома белгородцев... Несмотря на то что «к утушению употреблялись все возможные средства и силы», пожар бушевал всю ночь и весь следующий день. Только к вечеру 11 апреля, когда наконец утих ветер, люди смогли одолеть пламя...

К этому времени большая часть города уже выгорела. Свыше 570 казенных и частных зданий погребено в огне. Из государственных построек спасти удалось лишь следующие: канцелярию, консисторию, губернский и архиерейский дома, архив, здание казны, магистрат и склад артиллерии. Человеческих жертв не было, но положение оставалось и без того сложным.

Тонкие струйки дыма поднимались к небу над обугленным пепелищем. Понуро опустив голо-

вы, стояли мужчины, отовсюду доносились плач детей и разноголосые причитания женщин.

Погорельцев разместили в уцелевших зданиях. Тамбовский и Первый фузелярный полки временно вывели «по причине тамошнего многолюдства», оставив в городе лишь гарнизонный батальон «с разными командами».

Для предупреждения беспорядков и волнений «всегдашняя пикеты, караулы и дозоры сверх прежних были умножены». Начала работу комиссия по расследованию причин возникновения пожара.

К каким выводам она пришла, к сожалению, неизвестно. Однако вскоре Василий Васильевич Нарышкин был переведен на новое место государственной службы - в Новгородскую губернию. Уже к осени 1766 года на должности губернатора Белгорода находился тайный советник Андрей Матвеевич фон Фливерк, который и занимался непосредственно восстановлением города после пожара.

19 октября 1766 года он рапортовал императрице Екатерине II о принятых мерах «к возобновлению здешним несчастным случаем выгоревшего города». В частности, о том, что он, губернатор, повелел составить план новой застройки города с «нестесненными дворами и регулярными, просторными улицами». И что план этот «за неимением профессионального архитектора» составил офицер артиллерийской бригады, расквартированной в городе. Также Андрей Матвеевич собственноручно рассчитал количество строительных материалов и денежных средств, необходимых для восстановления города.

Два следующих года было потрачено на бюрократическую волокиту. И только в апреле 1768 года новый план города, составленный известным архитектором того времени А.В.Квасовым, был утвержден официально.

Как один из немногих дошедших до нас подобных документов план этот представляет немалый интерес. На нем видно, что в то время Белгород был обнесен с северной и западной сторон земляным валом, а посередине его стояла «сильная по тогдашним временам» крепость вокруг Свято-Троицкого собора. Кремль (центральная часть крепости) имел вид прямоугольника, со всех сторон окруженного сухим ровом и укрепленного земляным валом с восьмью бастионами.

План предписывал строить дома без погребов, на каменном фундаменте (или полностью каменные), на расстоянии друг от друга не меньше метра и располагать их, «держась во всем учиненного в плане положения». К этому проекту был приложен приказ из Сената за личной подписью императрицы, предписывающий на восстановление города «...определить к отпуску из казны в три года 100 тысяч рублей серебром в ссуду на 60 лет без процентов и отдать оные деньги в ведомство белгородского губернатора». А ему в свою очередь, исходя из этой суммы, следовало заготовить для строительства все необходимые материалы и раздавать их жителям по тем ценам, по каким они были приобретены: «строющим каменные дома на 10, а тем, которые деревянные дома строить будут, давать ссуду деньгами на 6 лет без процентов...».

К концу июля 1768 г. белгородский губернатор получил из Москвы обещанные на строительство деньги. В ближайшее к этому воскресенье соборная Троицкая церковь едва смогла вместить всех желающих присутствовать на молебне во здравие милосердной императрицы. По окончании службы начались народные гуляния. Празднично одетая толпа заполнила улицы. Народ ликовал. Отовсюду слышалось живейшее обсуждение

последних событий. Каждый спешил поделиться своими планами. Радостное возбуждение и безудержное веселье целый день царили в городе.

А на следующее утро губернатор повелел установить в знак благодарности белгородцев Екатерине II памятные столбы на въезде и выезде из города. И закипела работа...

Прошло несколько лет. Белгород отстроили. Теперь, «живописно лежащий на южном склоне, с 16 церквями, широкими прямыми улицами», он производил впечатление на каждого проезжающего, «давая и живущим в нем достаточные удобства».

Город по-прежнему разделялся на две части (старый и новый) и имел три больших предместья. Новых улиц, созданных согласно плану 1768 года, вдоль города было четыре, а поперек его - три, существовавших и ранее насчитывалось еще 13. Каменных строений было все так же мало (всего 18), преобладали деревянные постройки (107 государственных и 1788 частных зданий)...

Но Белгород постоянно разрастался и к 1882 г. снова стал выглядеть как «один из наилучших губернских городов России». К тому времени в нем находилось 12 учебных заведений, библиотека, типография, уездное полицейское управление, городская дума, казначейство, дворянская опека, почтовая контора, правительственная телеграфная станция, земская больница, тюрьма, три аптеки, 500 лавок, 2284 дома и еще много столь же необходимых любому городу, весьма добротных построенных зданий. Улицы города не мостились, так как большой нужды в этом не было. Белгород стоял на песке, а потому дороги его почти не знали луж. Правда, всего лишь пять из них в вечернее время освещались керосином.

Почти ничего не изменилось в планировке города и в наши дни. Все так же прямы его широкие, перпендикулярно пересекающиеся улицы и величественны многочисленные церкви...

Однако, уважаемый читатель, это еще не конец нашей истории. Дело в том, что во избежание повторения подобных несчастий в других российских городах Екатерина II издала указ, по которому все губернские города должны были быть перестроены наподобие Белгорода 1768 года. Вот уж действительно: не было бы счастья, да несчастье помогло!

Так трагедия одного города на южной окраине Российского государства оказала огромное влияние на облик всех губернских городов страны.

Т. ОЗЕРОВА,
старший научный
сотрудник
научно-методического
отдела БГИКМ